

УДК 821.111

10.17072/2304-909X-2024-18-24-32

ПАРАДОКСЫ ОБРАЗА РЕБЕНКА В РОМАНАХ ТОМАСА ГАРДИ

Варвара Андреевна Бячкова

к. филол. н., доцент, доцент кафедры мировой литературы и культуры,
кафедры английского языка профессиональной коммуникации
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
bvarvara@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3617-4902>

Дата поступления: 05.06.2024

В статье анализируется образ ребенка в романах Т. Гарди и связанные с ним парадоксы. В соответствии с трагическим пафосом романов писателя, появление нового человека делает его родителей уязвимыми, обнажает сделанные ими неверные шаги, совершенные ошибки и пр. Детские годы персонажей наполнены символами предстоящих испытаний и трагедий, которые им предстоит пережить во взрослой жизни. Из-за свойственных ему невинности и мудрости ребенок видит неприглядные стороны жизни и оказывается не в состоянии их принять, что также ведет к трагическим последствиям. Вместе с тем, героев Т. Гарди, отличающихся жестоким или равнодушным отношением к детям, ждет возмездие, помощь ребенку вознаграждается. Иногда детские образы в романах писателя являются символами надежды.

Ключевые слова: образ ребенка, роман, Т. Гарди, викторианская литература.

Творчество Томаса Гарди (*Thomas Hardy*, 1840–1928), как известно, отличается ярко выраженным трагическим началом (см. об этом, например, [Коршунова 1992]). Как замечает Ф. А. Абилова: «Жизнь как борьба, печальный исход которой предрешен, – такой взгляд на человеческое существование проявляется на всех этапах его жизни и творчества» [Абилова 2020: 178]. Понимание идеи эволюции человека как потери возможности влиять на свою судьбу (см. об этом [Гордиенко 2017: 107–108]) и следование традициям народных баллад (см. [Захарова 1996]), также органически тесно связанных с жанром трагедии [Green 2000: 25], неизбежно приводят к тому, что и образ ребенка, новой, едва начавшейся жизни, в творчестве писателя связан с парадоксами.

Главный парадокс заключается в том, что образ ребенка, будучи традиционно символом обновления, чистоты, невинности, надежды, напротив, оказывается связан с несчастьями, смертью, переживаниями и пр. Частично этот парадокс основан на жизненных реалиях. Во-первых, в романах Т. Гарди находит отражение мысль о том, что само рождение ребенка – это огромный риск для матери, угроза ее здоровью и жизни. Беременная героиня оказывается особенно уязвима перед самыми разными испытаниями, будь то физические нагрузки и неудовлетворительные условия жизни (Фанни Робин, «Вдали от обезумевшей толпы»), несчастный случай (Эльфрида Суонкорт Лакселлиан, «Пара голубых глаз»), или психологические переживания (Лусэтта Темплман Фарфрэ, «Мэр Кэстербриджа») и пр. Так, тема рождения в романах писателя идет рука об руку с темой смерти.

Однако еще чаще Т. Гарди напоминает о том, что даже благополучное рождение ребенка – это только начало испытаний и бедствий как для ребенка, так и для его родителей. Так, например, Т. Гарди активно привлекает внимание своих читателей к несправедливости, царящей в обществе, которое требует, чтобы ребенок обязательно был рожден в законном браке, поэтому жизнь молодой матери Тэсс («Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (*Tess of the d'Urbervilles*, 1891)) или «эксперимент» заглавного героя романа «Джуд Незаметный» (*Jude the Obscure*, 1895) и Сью Брайдсхед по созданию семьи без венчания оказываются отравлены сомнениями, постоянными ожидания осуждения и порицания и пр.

Важен и финансово-экономический вопрос, который сам по себе образует некий парадокс. Рожденный в нуждающейся семье ребенок ухудшает бедственное положение родителей, при этом страдая от этого больше всех. Интересно, что проблему материальной и финансовой несостоятельности родителей писатель часто показывает именно глазами ребенка. Так происходит в романах «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» и «Джуд Незаметный». Т. Гарди в свойственной ему манере доводит до трагического абсолюта Романтический образ ребенка, восходящий к поэзии У. Блейка. Мудрый ребенок видит, что нищета семьи напрямую связана с появлением новых братьев и сестер. Но в силу своей невинности он считает, что родители полностью контролируют процесс деторождения и не понимает, зачем, как говорит герой романа «Джуд Незаметный», они продолжают «посылать за» новыми членами семьи. Эти переживания не проходят даром: мысли на этот счет маленькой Тэсс Гарди поначалу называет «Мальтузианскими» [Hardy 2017: URL] (Здесь и далее цитирую романы Томаса Гарди по этому изданию без указания страниц – В.Б.). Постепенно именно себя героиня «назначает» ответственной за благополучие братьев и сестер, что становится началом ее

трагического пути, наполненного чувством вины и жертвами с ее стороны. Еще более страшная трагедия разыгрывается в семье Джуда Фаули: измученный бедностью и отчаянием первенец заглавного героя, узнав, что Сью «послала за новым» ребенком» (“O God, mother, you’ve never a-sent for another; and such trouble with what you’ve got!”), убивает младших брата и сестру и кончает жизнь самоубийством, объясняя это тем, что «нас слишком много» (“Done because we are too menny”).

«Джуд Незаметный» и «Тэсс из рода д’Эрбервиллей» – единственные романы писателя, в которых мы можем наблюдать заглавных героев в детские годы («Джуд Незаметный» повествует о детстве героя напрямую, а «Тэсс...» содержит множество воспоминаний героини о детстве), и именно в них мы можем наблюдать, как детские годы становятся предвестием предстоящих героям несчастий. Во-первых, именно в детстве обнажаются те черты характера, моральные принципы, мечты и пр. героев, из-за которых они, повзрослев, так и не смогут найти свое место в мире. Помимо горьких мыслей Тэсс-девочки о несостоятельности ее родителей, здесь можно вспомнить любовь Джуда-мальчика к книгам, его доброту (вместо того, чтобы гонять птиц, Джуд «кормит» их), мечты о Крайстминстере («городе света, где растет древо знаний»). Кроме того, детские годы наполнены разного рода символическими деталями: еще мальчиком Джуд услышит от тети Друзиллы «просьбу» никогда не жениться, а Тэсс накануне свадьбы с Энджелом Клэром вспоминает колыбельную, которую пела ей мать в детстве: “That never would become a wife / That once has done a miss”.

Мы уже говорили о теме рождения детей в браке и вне его в романах Т. Гарди, однако хотелось бы еще на некоторое время вернуться к этой теме, поскольку она имеет в романах писателя еще один драматический (и даже иногда трагический) нюанс. Дело в том, что ребенок предстает как свидетельство союза отца и матери. Фактически, рождение ребенка – это и есть заключение настоящего брака вне обрядов, условностей и т.д. Такой союз почти невозможно разрушить. Если впоследствии герой пытается, например, создать новую семью, пусть даже, в отличие от «предыдущей», законную в глазах общества и церкви, наличие ребенка от другого человека словно делает эти отношения незаконными, ненастоящими. Интересен в таком случае такой сюжетный ход, как смерть ребенка. Способна ли она разрушить союз между его родителями, возникший при его рождении? На этот вопрос у героев Гарди есть разные ответы. В «Джуде Незаметном», например, Сью, похоронив детей, уходит от Джуда, считая смерть детей наказанием за незаконное сожительство. Если детей больше нет, их с Джудом больше ничего не связывает. А вот для первой жены Джуда Арабеллы смерть сына, напротив,

становится первым шагом к тому, чтобы вернуться к Джуду. В разговоре со случайно встреченным Филотсоном она считает нужным уточнить, что именно она была матерью старшего мальчика, хотя до этого годами не вспоминала о сыне.

В романе «Вдали от обезумевшей толпы» (*Far from the Madding Crowd*, 1874) Габриэль Оук знает, что делает, когда пытается скрыть от любимой им Вирсавии Эвердин Трой, что бывшая работница Фанни Робин, которую привезли на ферму, чтобы похоронить, умерла во время родов вместе со своим младенцем. Когда же его попытки защитить внутренний мир Вирсавии от правды проваливаются и молодая женщина узнает, что ее муж – возлюбленный Фанни и отец ее ребенка, отчаяние и душевная боль героини при виде Троя, целующего мертвую «настоящую» жену, безграничны. Еще больше их усугубляют жестокие слова Троя о любви к Фанни и о том, что в свое время он не женился на ней по вине Вирсавии, хотя девушки и не подозревали о существовании друг друга (“This woman is more to me...that you ever were, or are, or can be...If Satan had not tempted me with that face of yours...I should have married her”). Лишь спустя много лет Вирсавия, словно простив мужу ложь, свое попранное чувство и несправедливые обвинения, похоронит погибшего Троя с его «настоящей» семьей, окончательно перевернув эту печальную страницу своей жизни.

В «Мэре Кэстербриджа» (*The Mayor of Casterbridge*, 1886) гибель героини Лусэтты Фарфрэ и ее нерожденного ребенка можно интерпретировать как возмездие: до своей свадьбы с Дональдом Фарфрэ Лусэтта была фактически «невенчанной женой» Майкла Хэнчарда. Героиня не виновата в том, что их брак не был освящен церковью (Хэнчард официально был женат на другой женщине), но тем не менее, она погибает от того, что их отношения становятся достоянием гласности. Сама судьба, в соответствии с канонами классической трагедии, «наказывает» Лусэтту за «измену» «первому» мужу, а их с Дональдом ребенку не позволяет появиться на свет.

Однако далеко не всегда в романах писателя образ ребенка как символа союза родителей связан с темой внебрачных отношений. Так, в романе «Пара голубых глаз» (*A Pair of Blue Eyes*, 1873) маленькие дочери лорда Лакселлиана решают судьбу Эльфриды Суонкорт. Искренне полюбив свою новую «маленькую маму», дети заставляют отца обратить внимание на героиню и серьезно задуматься о женитьбе на ней. По воле судьбы любовь детей – первый шаг Эльфриды к гибели из-за последствий выкидыша.

В романе «Возвращение на родину» (*The Return of the Native*, 1878) образ ребенка связывает персонажей символично, становясь оригинальным напоминанием о семейном неблагополучии. В разгар кризиса в семье Клайма и Юстасии Йобрайтов, вызванного недопониманием, обманутыми ожиданиями, мечтами, которым не суждено сбыться и пр., кузина Клайма Томасина спешит известить его о том, что родила дочь. Томасина планирует окрестить девочку в честь любимого двоюродного брата и его жены: Юстасия Клементина. Несмотря на радостную весть, Клайму тяжело принять решение Томасины, поскольку имя племянницы он воспринимает как символ своего несчастливого брака (“What a mockery!... This unhappy marriage of mine to be perpetuated in that child’s name!”). Еще больше это чувствуют читатели, которые, в отличие от Клайма, знают о любовной связи между Юстасией и отцом новорожденной Уайлдивом. Полное имя девочки (Юстасия Клементина Уайлдив) является еще и символом любовного четырехугольника, связывающего две семьи, разрубить который сможет только смерть.

При всей драматичности и даже трагичности образа ребенка в романах Т. Гарди, дети в романах писателя все-таки несут положительное начало. Во-первых, герои нередко оказываются так или иначе «наказаны» за то, что недостаточно внимательны и равнодушны к детям. Примером может служить сцена в романе «Тэсс из рода д’Эрбервиллей», когда Энджел Клэр, узнав о драматическом прошлом жены, спрашивает, жив ли Алек д’Эрбервилль, не называя имени. Тэсс решает, что речь идет о ее сыне, и говорит, что ребенок умер. (“Is he living?...—The baby died....— But the man?”). Реплика Тэсс могла бы напомнить Энджелу о том, что его любимая была матерью и страдала, потеряв ребенка. Но этого, к сожалению, не происходит. Возможно, запоздалое раскаяние Энджела, его душевные муки перед и после смерти Тэсс являются воздаянием не только за его неспособность сразу ее понять и простить, но и за то, что он не обратил никакого внимания ни на ее сына, ни на то, что «падение» Тэсс свершилось потому, что она в тот момент во многих отношениях сама была ребенком (“I was a child— a child when it happened! I knew nothing of men”). Получается, что Энджел прошел мимо страданий сразу двоих детей. Любопытно, что раскаяние Энджела по времени совпадает с его возвращением в родительский дом, с моментом, когда он сам на мгновение снова становится ребенком (во всяком случае с для встречающей его матери (Oh, my boy, my boy – home again at last!”)).

Другой пример – история заглавного героя романа «Мэр Кэстербриджа». Как мы помним, пьяный Майкл Хэнчард «продает» жену и маленькую дочь, вследствие чего оказывается разлученным с семьей на

долгие годы. Воссоединившись со своей супругой Сьюзан, он убежден, что сопровождающая ее девушка – их общая дочь Элизабет-Джейн (на самом деле это ребенок от «второго мужа» Сьюзан). Правду он узнает слишком поздно, уже удочерив Элизабет-Джейн, похоронив жену и рассказав «дочери» «правду». В начале романа мы наблюдаем несколько странное отношение Хэнчарда к маленькой Элизабет-Джейн: он не полностью равнодушен к ребенку, но все-таки недостаточно внимателен к ее нуждам. Молодая мать беспокоится о ночлеге, необходимом, прежде всего, девочке, (“Michael, how about the lodging? You know we may have trouble in getting it if we don’t go soon”), автор также обращает внимание читателей на то, как общение с дочерью разглаживает лицо матери, делая его красивым (“When she looked down sideways to the girl she became pretty, and even handsome...”). Отец же в этот момент не обращает на ребенка никакого внимания, его единения с девочкой читатель не ощущает, разве что до того момента, когда Хэнчард, уже «продав» жену моряку Ньюсону, замечает, что не должен был позволить Сьюзан забрать девочку с собой, т.к. она принадлежит ему (“She’d no business to take the maid – ‘tis my maid”).

Так и взрослая Элизабет-Джейн «ускользает» от отца. Хэнчард замечает, что у маленькой Элизабет-Джейн волосы были более темного оттенка (“Their hair gets darker, I know – but I wasn’t aware it lightened ever?”), но по-прежнему ни о чем не догадывается. Читатель может также подумать о том, что вторая дочь Сьюзан должна быть как минимум на полтора-два года моложе дочери Майкла Хэнчарда (возможно, разница еще больше, точного возраста Элизабет-Джейн Хэнчард в начале романа мы не знаем), но Хэнчард не замечает и этой нестыковки. Вероятно, так происходит из-за психологической ловушки, которую Сьюзан невольно расставляет мужу. Впервые встретившись с Элизабет-Джейн, узнав, кто ее мать, и спросив, как ее зовут, Хэнчард, возможно, реагирует на имя, которое он когда-то сам дал дочери (“’Twas I that chose your name, my daughter; your mother wanted it Susan”). В остальном же сама судьба «отводит» глаза герою, пока не становится слишком поздно, наказывая его за проявленное много лет назад недостаточное внимание к ребенку.

Однако нужно сказать, что «подмена» дочерей Майкла Хэнчарда может быть интерпретирована и в другом, более положительном ключе. Образ Элизабет-Джейн представляется довольно сложным, существует несколько разных точек зрения на него: некоторые исследователи отмечают, что героиня отличается пассивностью, и счастливый финал, к которому она приходит подается читателю с ироническими интонациями (см. [Абилова 2014: 75]), однако другие ищут в образе Элизабет-Джейн

прямо противоположные черты независимой женщины (см. об этом [Qin Liu 2017]). Таким образом, получается, что беспомощный младенец – собственность своего отца – умирает, а на смену ему приходит другая девочка, которая хотя и помещена в похожие условия (правовые, социальные и пр.), все-таки более сильна и независима. И то, что Майкл Хэнчард, потеряв собственную дочь, так и не смог стать отцом новой, второй Элизабет-Джейн, – еще одна горькая страница в трагической судьбе героя.

Наконец, самый суровый «приговор» выносится героине рассказа «Маркиза Стоунхендж», из сборника «Благородные дамы» (*A Group of Noble Dames*, 1891). Героиня рассказа леди Кэралайн всеми силами пытается скрыть свой тайный мезальянс. По иронии судьбы, внезапная смерть ее тайного мужа не только освобождает героиню от союза, который она тяготится, но и грозит ей разоблачением. В отчаянии леди Кэралайн уговаривает влюбленную в ее супруга бедную девушку выдать себя за его вдову. Впоследствии героиня отдает Милли и новорожденного сына. От второго мужа у леди Кэралайн нет детей. Овдовев, она пытается «забрать» уже взрослого сына обратно, полагая, что молодой человек с лёгкостью покинет приемную мать ради богатства и положения в обществе. Однако леди Кэралайн жестоко ошибается: сын вежливо, но твердо отказывается от ее предложения, фактически отрекаясь от биологической матери, и героиня оказывается наказана одиночеством как за пренебрежение к отцу, так и за то, что годами забывала о сыне. Нельзя не согласиться с тем, что поступки леди Кэралайн – ее попытка избежать общественного порицания, т.е., несомненно, общество также виновно в том, что героиня отрекается от своего ребенка (см. [Shamgopova 2015]). Несмотря на это, рассказ заканчивается словами повествователя, обличающими родителей, подобных леди Кэралайн, о том, как велико горе родиться нежеланным ребенком и не понимать почему (“There was no pathos like the pathos of childhood, when a child found itself in a world where it was not wanted, and could not understand the reason why”).

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на образ красивого и успешного сына леди Кэралайн, на нежность, с которой он целует свою приемную мать: способность Милли принять и полюбить чужого ребенка возвышают ее образ, ведь ни финансовая поддержка от леди Кэралайн, ни желание обладать любимым человеком хотя бы и после его смерти не стоили многолетней заботы о мальчике (“She, dear devoted soul..., tended me from birth, watched over me... and deprived herself of many a little comfort to push on me. I cannot love another mother as I love her”). Искренняя любовь к детям, по Т. Гарди, все-таки определено

является добродетелью. Вероятно, в том числе и потому, что, несмотря ни на что, дети – это символ надежды на лучшее будущее, особенно если рядом есть кто-то, кто заботится о них, воспитывая, помогая и защищая от жестокого мира. Именно такую картину мы видим в финале романа «Тэсс из рода д’Эрбервиллей». Мы не знаем, состоится ли свадьба Энжелы и Лизы-Лу Дайберфилд, о которой мечтала Тэсс (для этого героям нужно будет обойти закон, запрещающий жениться на свояченице) (см. об этом [Sutherland 2000: 434–437]), но в любом случае в финале романа мы видим Лизу-Лу (“spiritualized image of Tess”), которая пусть уже вышла из детского возраста, но пока, в отличие от погибшей сестры, сохраняет детские чистоту, невинность и мудрость. Девочка окружена заботой Клэра (гораздо более умного и компетентного, по сравнению с их родителями). Эта забота определенно дает шанс надеяться на то, что Лиза, как и другие дети Дайберфилдов, проживет дружную, лучшую жизнь. Таким образом, в творчестве Т. Гарди противоречия и трагичность жизни накладывают свои отпечатки на образ ребенка, он, тем не менее, иногда приобретает свое традиционное значение, становится символом красоты, доброты, чистоты и надежды.

Список литературы

Абилова Ф. А. Роман-трагедия в жанровой истории английской литературы: философия трагического Томаса Гарди // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 6. С. 176–185. doi 10.5281/zenodo.3944659. EDNUQQBSF.

Абилова Ф. А. Викторианский роман и Уэссекские романы Т. Гарди: поэтика финала // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1(25). С. 72–80. EDNRZCCUN.

Гордиенко О. В. Влияние идей дарвинизма на творчество Томаса Гарди // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. № 17–2. С. 107–110. EDN VIYYD.

Захарова Н. Н. Балладная традиция и английская проза конца XIX века (Т. Гарди и Р. Л. Стивенсон) // Традиции и взаимодействия в зарубежных литературах: межвузовский сборник научных трудов / гл. ред. Б. М. Проскурнин. Пермь: Пермский государственный университет, 1996. С. 60–70.

Коршунова С. В. Т. Гарди-романист (проблема трагического): специальность 10.01.05: автореф. дисс. ... канд. Филолог. н. Москва, 1992. 16 с.

Green B. Ballads // Oxford Reader’s Companion to Thomas Hardy. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 25.

Hardy T. Complete Works. Cronos Classics, 2017 [Kindle edition].

Shamgonova R. G. Women Characters in Thomas Hardy’s Short Stories / R. G. Shamgonova // Bulletin WKU. 2015. No. 1(57). P. 271–281.

Qin Liu. Elizabeth Jane – An Independent Woman // English Language and Literature Studies. 2017. Vol. 7. № 3. P. 94–98.

Sutherland J. The Literary Detective. 100 Puzzles in Classic Fiction. Oxford: Oxford University Press, 2000. 750 p.

THE PARADOXES OF CHILDREN'S IMAGES IN THOMAS HARDY'S NOVELS

Varvara A. Byachkova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature and Culture, in the Department of English Language of Professional Communication Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

bvarvara@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3617-4902>

Submitted 05.06.2024

The article analyses the image of a child in T. Hardy's novels and the paradoxes associated with it. In accordance with the tragic pathos of writer's novels, the birth of a new person makes his parents vulnerable, highlights the wrong steps and mistakes they have made before, etc. The childhood years of the characters are filled with symbols of the upcoming trials and tragedies that he/she will have to go through in adulthood. Because of innocence and wisdom, a child sees unpleasant sides of life and is unable to accept them, which also leads to tragic consequences. At the same time, T. Hardy's characters, which are characterized by a cruel or indifferent attitude towards children, face retribution, the ones who help children are rewarded, and sometimes children's images in the writer's novels are symbols of hope.

Key words: the image of a child, novel, Thomas Hardy, Victorian literature.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бячкова В. А. Парадоксы образа ребенка в романах Томаса Гарди // Мировая литература в контексте культуры. 2024. № 18 (24). С. 24–32. doi 10.17072/2304-909X-2024-18-24-32

Please cite this article in English as:

*Byachkova V. A. Paradoxes of children's images in Thomas Hardy's novels [The Paradoxes of Children's Images in Thomas Hardy's Novels]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2024, issue 18 (24), pp. 24–32. doi 10.17072/2304-909X-2024-18-24-32*